

РАЗЛОМ ЛАЗУРНЫХ НЕБЕС III

Врата Бездны

Р О М А Н

Кирилл Прикота

Разлом Лазурных Небес 3

«Автор»

2026

Прикота К.

Разлом Лазурных Небес 3 / К. Прикота — «Автор», 2026

Континент Девяти Стихий не знает, что где-то за его восточным краем, на самом дальнем побережье, снова шевелится нечто, спавшее десять тысячелетий. Тень Императора Пустоты — дух, живущий в кольце Йе Ханя, — показывает ему призрачную карту: Врата темницы Кровавого Владыки пробуждаются, и запечатать их заново способен только тот, кто выдержит силу, оставленную древним стражем, не сломавшись. С мандатом Совета Континента Йе Хань, его брат Йе Хун, алхимик Су Юэ, друг Чэнь Лэй и мечник Лин Фэн отправляются за край всех известных карт — через пустоши и ледяные хребты, мимо уцелевшей Секты Кровавой Луны, к древнему ордену Стражей Врат. У порога Бездны Тень Сюань раскрывает страшную цену новой печати — цену, которую Йе Хань отказывается платить в одиночку. Финал трёхтомной истории: самый мощный Раскол Небес — и последняя, командная битва за судьбу целого континента.

© Прикота К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кирилл Прикота

Разлом Лазурных Небес 3

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. Дорога на восток начинается
- Глава 2. Земли за картой
- Глава 3. Пустошь Пепла
- Глава 4. Старый след
- Глава 5. Мо Чан возвращается
- Глава 6. Ледяные хребты
- Глава 7. Правда десяти тысячелетий
- Глава 8. Стража Врат
- Глава 9. Испытание Стражей
- Глава 10. Мо Чан у ворот
- Глава 11. Разбитые печати
- Глава 12. Внутри Бездны
- Глава 13. Голос Кровавого Владыки
- Глава 14. Цена печати
- Глава 15. Раскол Небес III
- Глава 16. Континент велик

Глава 1

Дорога на восток начинается

* * *

Зал Совета Континента в Ланьтяне не менялся веками: девять колонн из белого нефрита, по числу Девяти Стихий, поддерживали купол, расписанный созвездиями, а под куполом, на возвышении, стоял трон, который вот уже три года пустовал не полностью — на нём сидела не Императрица, но та, что правила её именем. Йе Хань стоял в самом центре зала, на плитах, отполированных подошвами тысяч просителей до него, и впервые за долгое время чувствовал себя именно просителем, а не героем, чьё имя выкрикивала толпа после Раскола небес три месяца назад.

— Повтори ещё раз, — сказал советник Пэй Жун, старик с лицом, будто вырезанным из того же нефрита, что и колонны. — Ты утверждаешь, что дух, обитающий в твоём кольце, показал тебе карту всего континента — карту, которой не существует ни в одном архиве Ланьтяня, — и на этой карте, на восточном берегу, за землями, куда не ступала нога ни одного культиватора трёх последних поколений, находится нечто, что ты называешь истинными Вратами темницы Кровавого Владыки.

— Я утверждаю то, что видел собственными глазами, досточтимый советник, — ответил Йе Хань. Голос его не дрогнул — за эти три года он научился говорить в этом зале так, чтобы его слушали, а не разглядывали. — Секта Кровавой Луны, которую мы разгромили здесь, в столице, поклонялась не идее. Они поклонялись пробуждающейся силе. Мы отрубили одну голову — но тело осталось там, на востоке, и оно шевелится.

По залу пробежал ропот. Кто-то из младших советников подался вперёд с явным любопытством, другие — большинство — сохраняли то особое каменное выражение лиц, которое на языке двора означало «мы вежливо не верим ни единому слову». Йе Хань давно заметил: чем

дальше от поля боя сидит человек, тем труднее ему поверить, что мир за горизонтом вообще существует.

— При всём уважении к подвигам молодого мастера Йе, — заговорил другой советник, тучный мужчина по фамилии Гу, ведавший делами торговых путей, — континент Девяти Стихий велик, но конечен. Мы знаем его от Ледяных хребтов на севере до Пустошей на юге. Восточное побережье — это легенды рыбаков и старые карты, на которых давно нарисованы драконы просто потому, что картограф не знал, чем заполнить пустое место. Просить Совет снарядить экспедицию на край света на основании... призрачного видения...

— Это не видение, — раздался голос у пояса Йе Ханя — тихий, будто шёл ниоткуда и отовсюду сразу, слышимый лишь тем, к кому духовное чувство было обращено. Тень Сюань говорил только с Йе Ханем, но по легчайшему движению губ героя половина зала уже понимала: дух Императора Пустоты сейчас недоволен. — Скажи этому пузатому торговцу шёлком, что я закрывал те Врата, когда его прапрапрадед ещё бегал по этому самому континенту в звериной шкуре и пугался грома.

Йе Хань подавил улыбку и вслух сказал ровно то, что мог сказать вслух:

— Дух в моём кольце — это не легенда и не выдумка алхимиков. Многие из вас видели, как он сражался рядом со мной три месяца назад, когда небо над Ланьтянем расколосось надвое. Он видел эти Врата собственными глазами десять тысяч лет назад. Он закрывал их собственными руками. И он говорит, что печать слабеет.

Тишина. Даже советник Гу примолк.

На возвышении, до сих пор не проронившая ни слова, шевельнулась принцесса-регент Юэ Лань. Она была моложе многих в этом зале — моложе даже некоторых своих советников, — но три года у власти, три года удерживавшие континент от распада после того, как прежний Император пал жертвой заговора Кровавой Луны, состарили её взгляд на добрый десяток лет. Она носила простой траурный синий вместо императорских цветов — знак того, что власть эта временная, данная взаймы до совершеннолетия наследника, — но никто в зале давно уже не сомневался в её праве говорить последнее слово.

— Молодой мастер Йе, — сказала она, и голос её разнёсся по залу без всякого усилия, тем особым тоном, которым говорят люди, привыкшие, что их слушают. — Ты просишь не просто веры. Ты просишь мандат — право провести вооружённый отряд через земли шести кланов, которые не подчиняются Ланьтяню напрямую, через территории, где действуют свои законы и свои стихийные печати. Ты понимаешь, о чём просишь?

— Понимаю, ваше высочество. Именно поэтому прошу открыто, а не тайно.

Юэ Лань долго смотрела на него. За эти три года она видела Йе Ханя разным: мальчишкой с окраины, которого привели ко двору с грязными от долгой дороги сапогами; молодым мастером, чьё имя стало греметь после первых поединков; наконец — тем, кто стоял на крыше дворца в ночь Раскола, когда небо раскалывалось золотой трещиной, а по городу разносился рёв силы, какой Ланьтянь не видел столетиями. Она помнила и то, как после битвы он первым делом спросил не о наградах, а о раненых горожанах.

— Совет continent не даёт мандатов на веру, — произнесла она наконец, и по залу снова пробежал шёпот — теперь одобрительный, кое-кто уже мысленно готовил возражение против самой идеи экспедиции. — Но Совет также помнит, что три месяца назад именно на веру в мальчишку с окраины никто не хотел ставить — а он спас столицу. — Она встала. — Пусть будет проверка. Архивариусам — поднять всё, что есть о восточном побережье, все старые морские карты, все донесения пограничной стражи трёхвековой давности. Дать мне три дня.

Три дня. Йе Хань поклонился — глубоко, как и полагалось, — и почувствовал, как внутри него, в глубине духовного моря, шевельнулась знакомая тень, не то усмехаясь, не то вздыхая.

*Три дня, — прошептал Тень Сюань, когда они наконец вышли из зала на широкие ступени дворца, под настоящее небо, где солнце уже клонилось к закату, окрашивая крыши Лань-

тяня в цвет расплавленной меди. — Три дня совет будет решать судьбу мира, а Врата тем временем и не подумают ждать разрешения бюрократов.*

— Ты сам говорил мне однажды: терпение — оружие культиватора не хуже меча, — тихо ответил Йе Хань, зная, что рядом никого нет, кто мог бы услышать половину разговора.

Я говорил это, когда учил тебя высиживать прорыв на третьей ступени Земного Воина, а не когда речь шла о том, успеем ли мы вообще добраться до восточного берега прежде, чем... — Тень Сюань осёкся. Пауза вышла слишком длинной для простой досады.

— Прежде чем что?

Прежде чем твой старый учитель начнёт повторяться, мальчик. Идём. У нас ещё три дня относительного покоя, и грех тратить их на стояние на лестнице.

Йе Хань нахмурился — он давно научился отличать настоящую насмешку Тени Сюаня от той, за которой прячется что-то более тяжёлое, — но не стал давить. За три года их странного партнёрства он усвоил и это: дух Императора Пустоты расскажет то, что должен рассказать, когда сочтёт нужным, и ни минутой раньше.

Три дня растянулись на пять — архивариусы Ланьтяня, копавшиеся в подвалах библиотеки старше самого дворца, откопали, помимо прочего, полуистлевшую карту трёхсотлетней давности с пометкой неизвестной рукой на самом краю пергамента: «здесь земля дышит неправильно». Этого хватило, чтобы даже советник Гу перестал спорить вслух, хотя лицо его по-прежнему выражало вежливое сомнение при каждом упоминании востока.

На шестой день Юэ Лань вызвала Йе Ханя одного, без Совета, в свои личные покои — комнату куда более скромную, чем полагалось бы регенту, с одним-единственным украшением: старым мечом на стене, который, как знал Йе Хань, принадлежал не ей, а её погибшему отцу.

— Я даю тебе мандат, — сказала она без предисловий, протягивая свиток, перевязанный алой лентой с императорской печатью в виде девятилучевой звезды. — Здесь право прохода через земли клана Ветра, клана Молнии, племён пустоши и — с некоторыми оговорками — через территории, формально не подчинённые никакому клану вовсе. Здесь же — предписание всем магистратам и заставам континента оказывать твоему отряду любую посильную помощь.

Йе Хань принял свиток обеими руками, как принимают что-то, весящее много больше своего размера.

— Благодарю, ваше высочество.

— Не благодарю. — Юэ Лань подошла к окну. За ним раскинулся Ланьтянь — крыши, каналы, вдалеке шпиль академии, где Йе Хань когда-то был всего лишь одним из многих учеников. — Я не благодарю тебя за то, что снова ставлю на твои плечи судьбу этого континента. Я делаю это, потому что альтернатива хуже. Если ты прав насчёт этих Врат — а часть меня, вопреки всякому здравому смыслу, верит, что ты прав, — то континент столкнётся с этим независимо от того, дам я тебе мандат или нет. Разница лишь в том, встретим мы это готовыми или врасплох.

Она обернулась.

— И ещё одно, Йе Хань. — Впервые за весь разговор в её голосе прозвучало что-то не государственное, а просто человеческое. — Три месяца назад ты чуть не погиб, спасая этот город. Я подписываю бумагу, которая может отправить тебя на верную смерть куда дальше, чем я способна дотянуться помощью. Возвращайся. Это не приказ регента. Это просьба человека, который слишком многих уже потерял в этой войне.

Йе Хань поклонился ниже, чем требовал протокол.

Отряд собирался у дома клана Йе — того самого поместья на окраине столицы, что за три года из скромной резиденции превратилось в нечто среднее между родовым гнездом и штабом, откуда велись дела клана по всему континенту. Су Юэ пришла первой — не потому что торопилась, а потому что провела последнюю ночь, сортируя пилюли и снадобья для похода, и попросту не ложилась спать.

— Восстанавливающие, для ран, для очищения ци, противоядия от трёх видов ядовитых испарений, — перечисляла она, укладывая последний из десятков флаконов в специально зачарованный сундук, уменьшающий вес содержимого. — И вот это. — Она достала маленький, ничем не примечательный на вид пузырёк тёмного стекла. — Экспериментальное. Если твой... сосед в кольце начнёт терять контроль над той силой, что в тебе оставил, это должно на время его успокоить. Не лекарство. Просто — время.

— Ты продумала это ещё до того, как Совет дал мандат, — сказал Йе Хань, наблюдая, как она работает.

— Я продумала это в ту же ночь, когда ты рассказал мне о карте. — Су Юэ подняла на него взгляд, и в нём не было ни капли сомнения — только ровная, спокойная решимость человека, для которого вопрос "ехать или нет" никогда всерьёз не стоял. — Ты думал, я отпущу тебя на край света одного разбираться с древним злом при помощи одних только кулаков и оптимизма духа, который издевается над тобой чаще, чем помогает?

Мне нравится эта девушка, — заметил Тень Сюань. — Она видит меня насквозь.

— Она видит нас обоих насквозь, — вслух пробормотал Йе Хань, за что получил от Су Юэ подозрительный взгляд — она давно привыкла, что половина его реплик адресована незримому собеседнику, но легче от этого не становилось.

Йе Хун явился следующим — верхом, в дорожном плаще клана, с мечом за спиной и совершенно не терпящим возражений выражением лица, которое Йе Хань слишком хорошо знал по их отцу.

— Даже не начинай, — сказал старший брат, спешиваясь. — Я уже говорил отцу. Я уже говорил старейшинам клана. Теперь скажу тебе, и на этом разговор закончен: я еду.

— Хун, это не прогулка по землям клана. Это край карты. Никто не знает, что там.

— Именно поэтому я и еду, младший братец. — Йе Хун хлопнул его по плечу с той грубоватой нежностью, что за три года превратилась из редкости в привычку между ними. — Три года назад я смотрел, как ты выходишь на бой с Кровавым Владыкой, а я стоял в стороне, потому что был слишком горд признать, что ты сильнее. Больше я так стоять не буду. Куда ты — туда и я. Это не обсуждается, это семейное дело, а в семейных делах последнее слово за старшим.

Йе Хань хотел было возразить, но поймал взгляд Су Юэ, чуть заметно качнувшей головой — не спорь, бесполезно, — и вместо этого просто кивнул.

Чэнь Лэй появился с шумом, как появлялся всегда, — с тремя тюками провизии, притороченными к седлу так, что бедная лошадь выглядела скорее вычным мулом.

— Слышал, вы собираетесь на край света без меня, — объявил он, спрыгивая наземь с таким видом, будто оскорблён в лучших чувствах. — Без человека, который умеет разводить костёр в дождь, готовить съедобную еду из несъедобных ингредиентов и, что немаловажно, поддерживать боевой дух отряда шутками, когда все остальные слишком заняты трагическими взглядами вдаль.

— Лэй, там могут быть настоящие опасности, — сказал Йе Хань. — Не тренировочный поединок в академии.

— Друг мой, я дрался бок о бок с тобой против культиватора-мясника из секты Кровавой Луны, который в буквальном смысле пытался выпить из меня душу. Я думаю, я как-нибудь переживу неизведанные земли. — Чэнь Лэй вдруг посерьёзnel, насколько это вообще было ему свойственно. — К тому же кто-то должен присматривать, чтобы ты не наделал глупостей из своего вечного чувства долга спасти весь мир в одиночку. Это моя официальная должность в отряде — не позволять тебе умереть героически и в одиночестве.

Последним, когда солнце уже поднялось высоко, у ворот показался Лин Фэн — мечник клана Ветра, чей клинок трижды за последний год скрещивался с клинком Йе Ханя, дважды в тренировочных поединках и один раз плечом к плечу против общего врага. Лин Фэн держался

особняком от остальных — не враждебно, но с той сдержанной дистанцией человека, привыкшего полагаться на собственный меч больше, чем на компанию.

— Мастер Йе. — Он коротко поклонился. — Я узнал о цели вашей экспедиции от старейшин клана Ветра. Прошу принять меня в отряд.

— Клан Ветра посылает тебя как представителя? — уточнил Йе Хань.

— Клан Ветра не посылает меня никуда. Я прошу за себя. — В глазах Лин Фэна мелькнуло что-то похожее на голод, знакомый Йе Ханю по собственной юности. — Я достиг седьмой звезды Земного Воина. Дальше — стена, которую я не могу пробить обычными тренировками. Мне нужен край карты, мастер Йе. Мне нужно испытание, которого ещё никто не проходил, — не ради вашей миссии, будем откровенны, а ради собственного пути меча. Но я умею держать слово и умею сражаться, и это может оказаться полезным вам обоим.

Йе Хань посмотрел на него долгим взглядом — и увидел в этой откровенности не эгоизм, а честность, которую уважал куда больше показной преданности.

— Тогда добро пожаловать в отряд, Лин Фэн.

Отряд собрался в полном составе к полудню — пятеро у ворот поместья клана Йе, лошади навьючены, мандат Совета лежит в сумке Йе Ханя рядом со свитком с печатью девятилучевой звезды. Оставалось последнее.

Йе Тан вышел проводить сына сам — глава клана, некогда простой культиватор с окраины, теперь один из самых уважаемых людей континента, и всё равно, глядя на него сейчас, Йе Хань видел прежде всего отца, а не главу рода.

— Я не буду просить тебя остаться, — сказал Йе Тан тихо, отведя сына чуть в сторону от остальных. — Три года назад я хотел спрятать тебя от всего мира, лишь бы уберечь. Это было ошибкой — ты доказал это, спасая столицу, спасая наш клан, спасая, в конце концов, и меня самого. Так что я не буду повторять эту ошибку сегодня.

— Отец...

— Дай мне договорить. — Йе Тан положил руку сыну на плечо — жест, который в детстве Йе Ханя случался редко, а теперь стал привычным. — Я горжусь тобой так, что не хватает слов на всех языках Девяти Стихий. И я боюсь за тебя сильнее, чем боялся когда-либо в жизни — сильнее, чем в ночь Раскола, сильнее, чем когда секта Кровавой Луны охотилась за твоей головой. Потому что тогда враг был здесь, известный, осязаемый. А теперь ты уходишь туда, где даже карты кончаются чистым пергаментом.

— Я вернусь, отец.

— Я знаю. — Йе Тан улыбнулся, и в этой улыбке было столько всего сразу — гордость, страх, безграничная вера, — что у Йе Ханя перехватило горло. — Потому что я тебя знаю, сын. Ты всегда возвращаешься. Просто... возвращайся с братом. Обои.

Он обнял сына — коротко, крепко, без лишних слов, как умеют обниматься мужчины клана Йе, — и отступил, кивнув Йе Хуну через его плечо. Ни слова прощания старшему сыну — но взгляд сказал больше, чем сказали бы часы речей.

Трогательно, — заметил Тень Сюань, когда отряд наконец тронулся с места, оставляя позади распахнутые ворота поместья. — У меня тоже был отец однажды. Давно. Настолько давно, что я уже почти не помню его лица.

Впервые за долгое время в голосе духа не было ни капли насмешки.

Помни одно, мальчик, — добавил он, пока пятеро всадников выезжали на широкий тракт, ведущий из Лантяня на восток, туда, где город постепенно уступал место открытым полям, а поля — предгорьям, за которыми лежали земли клана Ветра, а дальше — совсем неизвестное. — То, что мы ищем на востоке, — не просто древняя темница. Это цена, которую я не заплатил до конца десять тысяч лет назад. И когда мы доберёмся туда, эту цену придётся заплатить кому-то. Я не знаю ещё, кому. Но я знаю, что не хочу, чтобы это был ты.

— Об этом поговорим, когда придёт время, — тихо ответил Йе Хань, чувствуя, как ветер бьёт в лицо, а дорога разворачивается перед ним лентой, уходящей за горизонт.

Рядом ехала Су Юэ, чуть позади — весело переругивались Чэнь Лэй и Йе Хун насчёт того, кто первым свалится с лошади от усталости, ещё дальше, замыкая отряд, молча и сосредоточенно держался в седле Лин Фэн, положив ладонь на рукоять меча, будто уже сейчас готовясь к испытанию, которого жаждал.

Впереди лежал весь континент Девяти Стихий — знакомые земли, которые вскоре останутся позади, и дальше, за пределами всех карт, что когда-либо чертила рука человека, — восток, где ждало нечто, спавшее десять тысяч лет и теперь начинавшее просыпаться.

Врата Ланьтяня остались за спиной. Дорога на восток началась.

Глава 2

Земли за картой

* * *

Десять дней пути превратили пятерых всадников, покинувших Ланьтянь нарядными, как на параде, в отряд куда более потрёпанного вида: плащи пропылились, лошади отощали ровно настолько, чтобы Чэнь Лэй перестал шутить о том, что его выючная кобыла похожа на мула, и начал жаловаться, что теперь она похожа на скелет мула. Земли клана Ветра остались позади ещё на третий день — зелёные холмы, где ветряные мельницы вращались без единого дуновения воздуха, приводимые в движение чистой ци, а мечники в лёгких серых одеждах кланялись отряду с мандатом принцессы-регента чуть ниже, чем полагалось бы простым путникам, и чуть настороженнее, чем полагалось бы старым союзникам. Дальше пошли земли, формально всё ещё входившие в круг Девяти Стихий, но настолько отдалённые от Ланьтяня, что чиновники здесь одевались по моде полувековой давности, а деньги столицы принимали неохотно, предпочитая обмен.

На десятый день, ближе к полудню, дорога — до этого хоть и узкая, но всё же дорога, мощённая, стёртая тысячами подошв и копыт, — вдруг закончилась.

Не сузилась, не превратилась в тропу. Закончилась — упёрлась в невысокую каменную стену, сложенную без раствора, старую, поросшую мхом, а посреди стены стояли ворота, каких Йе Хань в жизни не видел: не резные, не украшенные символами кланов, просто два столба серого камня и перекладина, а на перекладине — единственный иероглиф, настолько древнего начертания, что Йе Хань не сразу его разобрал. «Край».

— Застава Девяти Стихий, — произнёс сидевший у ворот в тени навеса старик в форме пограничной стражи, форме настолько выцветшей, что синий цвет клана Ветра, которому он формально подчинялся, читался на ней лишь по памяти. Он поднялся навстречу отряду медленно, без спешки человека, для которого посетители — событие раз в несколько лет, не раз в несколько часов. — Не часто у меня гости с императорской печатью.

— Начальник заставы Дэн, я полагаю, — сказал Йе Хань, спешиваясь и протягивая свиток мандата. — Нам нужен проход на восток.

Старик долго разворачивал свиток — куда дольше, чем требовалось, чтобы прочитать, — не из недоверия, понял Йе Хань, а просто оттягивая момент, когда придётся признать очевидное.

— На восток, значит. — Он свернул свиток обратно, вернул его без единого слова о печати, будто печать не имела значения там, куда они направлялись. — Молодой господин, я здесь двадцать три года. Знаете, сколько отрядов прошло через эти ворота на восток за это время?

— Сколько?

— Три. Из них вернулся один. — Дэн поглядел мимо Йе Ханя, на четверых остальных, задержавшись взглядом на Су Юэ дольше, чем на прочих, будто прикидывая, сколько ей понадобится алхимических снадобий, чтобы выжить там, куда они собрались. — Дальше нет застав.

Нет магистратов. Нет клановых земель. Есть то, что старые карты называют Пустошью Пепла, есть горы, которым, сколько я знаю, даже названия не придумали, а дальше — совсем ничего, чистый пергамент. Если с вами там что-то случится, об этом никто и никогда не узнает, потому что рапортовать будет некому.

— Мы знаем, на что идём, — сказал Йе Хань.

Дэн посмотрел на него ещё мгновение — тем взглядом, каким смотрят старики на молодых, уверенных в собственном бессмертии, — и просто кивнул, отступая от ворот.

— Тогда да хранят вас Девять Стихий там, где до них уже не дотянуться. Открывайте, — бросил он через плечо кому-то в караульне, и ворота, скрипя от долгого бездействия петель, отворились.

Чэнь Лэй, проезжая мимо старика, наклонился в седле.

— А что, у вас тут хоть постоянный двор какой-то есть? Горячая еда? Я готов заплатить последними благовоениями секты Кровавой Луны, доставшимися нам в качестве трофеев, лишь бы не есть ещё раз то, что готовит Йе Хун.

— Я готовлю прекрасно, — с достоинством возразил Йе Хун откуда-то сзади.

— Ты готовишь так, будто мясо оскорбило лично тебя и ты мстишь ему огнём, — отозвался Чэнь Лэй, и Дэн, вопреки всей своей суровости, фыркнул смешком, впервые за разговор напомнив не пограничного стража, а просто уставшего человека.

— Постоялого двора нет, молодой господин, — сказал он Чэнь Лэю. — Но если вернётесь этой дорогой, у меня найдётся котёл и чай получше того, что вы наверняка везёте с собой.

— По рукам, — весело откликнулся Чэнь Лэй. — Считайте это обещанием, скреплённым моим непревзойдённым обаянием.

Отряд миновал ворота. Йе Хань обернулся один раз, у самой границы каменной стены, — и увидел, как Дэн стоит на прежнем месте, глядя им вслед не с надеждой, а с тем особым спокойствием человека, который уже видел, как уходят на восток, и знает, что провожать взглядом — единственное, что в его силах.

Ворота закрылись за спиной с гулким стуком.

Ну вот, — заметил Тень Сюань, когда стена скрылась за первым же холмом. — Официально: вы больше не подданные Девяти Стихий. Вы — пятеро идиотов с мечами, бредущих по пустой карте. Поздравляю, мальчик. Я в таком статусе провёл почти всю свою прежнюю жизнь, и, поверь, ничего хорошего в нём нет.

— Обнадёживает, — пробормотал Йе Хань вслух, за что Су Юэ, ехавшая рядом, наградила его понимающей полуулыбкой — она давно перестала спрашивать, с кем он разговаривает вполголоса, и вместо этого просто научилась угадывать по интонации, когда реплика адресована ей, а когда призраку в кольце.

Пейзаж менялся не сразу — сперва просто холмы, чуть более дикие, чуть менее ухоженные людской рукой, чем те, что остались позади. Но к вечеру второго дня за границей отряд въехал в лес, и лес этот заставил даже Лин Фэна, обычно скупого на реплики, придержать коня и оглядеться с нескрываемым удивлением.

Деревья здесь росли неправильно — не в том смысле, что кривились или чахли, а в самом буквальном: стволы поднимались вверх спиралью, будто скручены гигантской невидимой рукой, а кора отливала не привычным бурым или серым, а тёмно-синим, почти чернильным, с прожилками, слабо светившимися в сумерках — не ярко, не угрожающе, а как тлеющий уголь, забытый в очаге. Листья были узкой, длинной, свисающей полосами, как водоросли, и при малейшем ветре весь лес начинал тихо шелестеть на два тона одновременно — низкий гул стволов и высокий, почти музыкальный присвист листьев.

— Клановые ботаники за такое дерево душу бы продали, — заметила Су Юэ, спешившись у одного из стволов и осторожно, кончиками пальцев, коснувшись коры. — Ци в древесине...

плотная. Не злая, не благая. Просто другая. Будто этот лес рос по совсем иным правилам, чем всё, что описано в травниках клана.

— Может, потому что здесь и правила другие, — тихо сказал Йе Хун, глядя вверх, туда, где спиральные кроны смыкались, оставляя лишь узкие щели неба, в которых уже проступали первые звёзды. — Мы всю жизнь считали, что Девять Стихий — это весь мир. А это, оказывается, был просто наш угол в нём.

Лин Фэн, до того молча осматривавший стволы с профессиональным вниманием мечника, оценивающего незнакомую местность на предмет засад, наконец подал голос:

— Мастер Йе, я бы предложил не разбивать лагерь прямо под этими деревьями. Не потому что они опасны — я не чувствую в них враждебной ци. Но незнакомое место требует уважения, а не самонадеянности.

— Разумно, — согласился Йе Хань.

— Конечно, разумно, он же сказал это первым, — вставил Чэнь Лэй с преувеличенной серьёзностью, слезая с лошади и разминая спину с громким стоном. — А если бы то же самое предложил я, все бы решили, что я просто хочу лечь спать подальше от того странного светящегося дерева, потому что оно похоже на что-то из детской сказки про голодных духов леса.

— Оно и правда похоже, — не удержался Йе Хань.

— Вот именно! Значит, мои страхи рациональны, а его — мудрость мечника. Где справедливость.

Йе Хун, укладывая седельные тюки у выбранного для лагеря места — небольшая проплешина без спиральных стволов, ближе к каменистому руслу пересохшего ручья, — не удержался от короткого смешка, но тут же посерьёзнел, взглянув на Лин Фэна, который в этот момент методично, без единого лишнего движения, размечал границы будущего лагеря невысокими метками из камней — привычка клана Ветра, как понял Йе Хань, готовить оборонительный периметр даже там, где явной угрозы нет.

— У нас в клане Йе разбивают лагерь проще, — заметил Йе Хун, не то с любопытством, не то с лёгким вызовом. — Костёр в центре, дозорный по очереди. Незачем городить каменные метки, будто мы ждём осады.

— В клане Ветра разбивают лагерь так, чтобы разница между «незачем» и «понадобилось, но было поздно» не стоила чьей-то жизни, — ровно ответил Лин Фэн, не поднимая глаз от камней. — Мы не в клановых землях, брат Йе. Здесь я предпочитаю не выяснять разницу на собственном опыте.

— Я двадцать лет хожу с мечом и как-то ни разу не пожалел о простом костре.

— Двадцать лет вы ходили с мечом по землям, где карта знала каждый камень заранее. — Лин Фэн наконец поднял взгляд, и в нём не было враждебности — только ровное, спокойное упрямство человека, привыкшего, что его метод доказал себя достаточно, чтобы не нуждаться в одобрении. — Здесь карты нет вовсе.

Между братом Йе Ханя и мечником клана Ветра повисло то особое молчание, что случается между двумя сильными людьми, каждый из которых привык быть первым в комнате, — не ссора, но и не согласие, скорее взаимная проверка, кто первым уступит. Ни один не уступил; просто Йе Хун пожал плечами и вернулся к тюкам, а Лин Фэн — к своим камням, и оба сделали вид, что разговор исчерпан, хотя было ясно: это далеко не последний раз, когда их манеры столкнутся на этой дороге.

Су Юэ, наблюдавшая за этим со стороны, чуть слышно вздохнула и придвинулась ближе к Йе Ханю, пока тот разжигал костёр — не магией, а обычным кресалом, потому что, как он однажды сказал ей, есть вещи, которые приятно делать руками, даже обладая силой, способной расколоть небо.

— Твой брат и Лин Фэн, — тихо заметила она, — оба привыкли быть самым сильным мечом в комнате. На такой дороге, как эта, это либо сделает отряд сильнее вдвое, либо доведёт до драки на второй неделе.

— Ставлю на первое, — сказал Йе Хань, раздувая первые язычки пламени.

— Я тоже. — Су Юэ улыбнулась, садясь рядом, чуть теснее, чем требовало простое удобство у костра. — Но было бы забавно посмотреть, если бы случилось второе. Тайно, конечно. Со стороны, с чашкой чая.

— Ты становишься жестокой на этой дороге.

— Я алхимик. У нас профессиональный интерес к тому, как люди реагируют на давление. — Она прислонилась плечом к его плечу, и на мгновение весь странный светящийся лес, вся тяжесть мандата в его сумке, весь груз десяти тысячелетий, который нёс дух в его кольцо, отступили куда-то на второй план, оставляя только тепло костра, её плечо рядом и звёзды в узких щелях спиральных крон. — Как ты, Йе Хань? По-настоящему. Не для отряда, не для духа за поясом. Для меня.

Он помолчал, глядя в огонь.

— Странно, — признался он наконец. — Три года я знал, где граница моего мира. Даже когда небо раскалывалось, я знал — вот Ланьтянь, вот клан, вот люди, которых я защищаю. Здесь я не знаю ничего. Ни земли под ногами, ни того, что нас ждёт завтра. И это... не пугает так, как должно было бы. Скорее — будто я наконец иду туда, куда всегда должен был.

Су Юэ ничего не ответила — просто взяла его руку в свою, и этого оказалось достаточно.

Утром третьего дня за границей отряд вышел из странного леса на открытую холмистую местность — и почти сразу же наткнулся на дым костра вдалеке, первый явный признак людей с тех пор, как закрылись ворота заставы Дэна.

Поселение оказалось совсем небольшим — десяток бревенчатых домов на вершине пологого холма, обнесённых частоколом не от врагов, как решил сперва Йе Хань, а, судя по вырезанным на кольях символам, скорее от духов — местные верования, судя по всему, отличались от храмовых практик Девяти Стихий так же сильно, как здешний лес отличался от клановых садов. Жители — смуглые от солнца, одетые в грубую холщовую одежду с орнаментом, какого Йе Хань никогда не видел ни на одной ткани столицы, — встретили пятерых всадников не враждебно, но с той настороженностью, с которой смотрят на редких чужаков, о которых давно сложены легенды, но которых никто никогда не видел лично.

Староста поселения, женщина средних лет с седой прядью в чёрных волосах и посохом, украшенным зубами какого-то крупного зверя, вышла навстречу первой.

— Вы говорите на языке равнин, — сказала она, и в её речи Йе Хань уловил странный, тягучий выговор, будто слова здесь произносили на четверть медленнее, растягивая гласные так, что привычные слоги звучали почти песней. — Издалека же вас занесло, раз вы вообще говорите на нашем языке равнин, а не на своём столичном щебете.

— Мы с запада, из Ланьтяня, — сказал Йе Хань, стараясь говорить медленно и разборчиво, хотя, кажется, проблема была не в скорости. — У нас мирная цель. Мы ищем проход дальше на восток.

Староста несколько мгновений разглядывала его, потом перевела взгляд на остальных — задержавшись на мече Лин Фэна дольше, чем на прочем снаряжении, — и вдруг усмехнулась, обнажив зубы, один из которых был окован тонкой полоской серебра.

— Дальше на восток, значит. Ну что ж, гостю с запада — гостеприимство равнин, даже если у гостя дурной вкус в маршрутах. — Она махнула посохом в сторону ближайшего дома. — Заходите. У нас как раз варится похлёбка из корнеплодов, которых вы, готова спорить на свою вторую лучшую козу, в жизни не пробовали.

Похлёбка оказалась острой настолько, что у Чэнь Ляя, единственного, кто взял добавку из чистого упрямства, выступили слёзы на глазах, а разговор за общим столом то и дело спо-

тыкался о непонимание: местные измеряли расстояние не ли, а «переходами между водопадами», время — не стражами, а «сколько чая успеет остыть», и когда Йе Хань попытался спросить, знают ли они что-нибудь о Пустоши Пепла дальше к востоку, староста ответила длинной фразой на местном диалекте, из которой Су Юэ, обладавшая куда лучшим слухом к языкам, разобрала едва половину, а остальное пришлось восстанавливать по жестам и мимике — что-то про «землю, которая помнит слишком много, чтобы быть доброй» и «идти туда с открытым сердцем, но закрытым ртом».

— Она хочет сказать, — подытожила Су Юэ позже, когда отряд устроился на ночлег в предоставленном старостой сарае, пахнушем сеном и той же острой похлёбкой, — что земли за их поселением недобрые. Не злые в смысле опасности — злые в смысле памяти. Она несколько раз повторила слово, которое я слышала как «шрам», хотя, возможно, ошиблась с переводом.

— Не ошиблась, — тихо произнёс Йе Хань — и не он один это сказал.

Она не ошиблась, — эхом отозвался Тень Сюань, и впервые за весь вечер в его голосе не было ни капли привычной насмешки. Голос духа звучал напряжённо, почти настороженно, как звучал он лишь дважды за всё время их партнёрства — оба раза перед тем, как случалось что-то по-настоящему скверное.

Йе Хань, лёжа в темноте сарая, где остальные уже засыпали — Чэнь Лэй похрапывал в углу, Йе Хун и Лин Фэн устроились по разные стороны, будто даже во сне продолжали негласное соревнование за территорию, — тихо спросил, зная, что никто из спутников не услышит его половины разговора:

— Что не так?

Не знаю точно. — Редкость сама по себе: Тень Сюань редко признавался в незнании чего бы то ни было. — С той минуты, как мы прошли ворота заставы, я чувствую... отголосок. Слабый, будто эхо очень старого крика, докатившееся через десять тысяч лет и оставшееся лишь дрожью в воздухе. Ци этой земли не такая, как в Девяти Стихиях, мальчик. Она... помнящая. Будто сама почва здесь была свидетелем чего-то, чего не забыла, даже когда забыли все, кто мог бы это помнить.

— Битвы? Твоей битвы?

Не знаю, — повторил Тень Сюань, и в этом повторе была тяжесть, какой Йе Хань не слышал от него прежде. — Но чем дальше на восток мы идём, тем яснее я это чувствую. Как будто земля здесь помнит войну, которую вела десять тысяч лет назад — и не простила её до сих пор.

Снаружи, за стенами сарая, ветер пробежал по холмам поселения — и на мгновение, лишь на одно короткое мгновение, Йе Ханю почудилось, что в этом ветре слышен не просто шум ночной степи, а что-то ещё, глубже, старше, будто сама земля под ним тихо, едва слышно вздохнула во сне, которому было десять тысяч лет и который вот-вот собирался прерваться.

Он закрыл глаза, но заснул не сразу.

Впереди, за холмами гостеприимного, но чужого поселения, лежала Пустошь Пепла — и, судя по всему, лежало там куда больше, чем просто пепел.

Глава 3

Пустошь Пепла

* * *

Пепел начался за три дня до того, как кончилась трава.

Сперва это была просто пыль на ветру — серая взвесь, оседавшая на плащах тонким налётом, будто кто-то стряхнул золу из очага размером с гору. Чэнь Лэй чихнул первым и объявил это персональным проклятием востока. Потом трава начала редеть, будто выцветая, а на четвёртый день утра исчезла вовсе — отряд поднялся на невысокий хребет и увидел перед собой то, что земли Девяти Стихий не рождали уже тысячи лет.

Пустошь простиралась до горизонта — не песок, не камень, а пепел, слежавшийся в наст, хрустевший под ногами, как первый снег. Ветер гнал по нему длинные извивающиеся полосы, похожие на призрачные реки. Кое-где из серой равнины торчали оплавленные глыбы — не скалы, а стекло, огромные потрескавшиеся линзы, будто сама земля когда-то расплавилась и застыла заново.

— Стекло, — сказала Су Юэ, присев у ближайшей глыбы и осторожно проведя по ней рукой в перчатке. — Земля, чтобы остекленеть, должна была гореть при жаре, какую не даёт ни один известный мне огненный техник. Это не природа, Йе Хань. Это след.

Это шрам, — раздался голос Тени Сюаня, и впервые за много дней в нём не было привычной насмешки. *Я узнаю этот пепел. Не место — но именно такой пепел. Здесь горело что-то, что не должно было гореть.*

— Старая война? — тихо спросил Йе Хань, зная, что вслух его услышат только духовным чувством те, кто рядом.

Не знаю. Десять тысяч лет назад битва шла на востоке, у самых Врат, за много тысяч ли отсюда. Но огонь такой силы... мог оставить след и здесь, если распространялся волнами. Или — здесь было что-то своё. Своя маленькая война, которую никто, кроме этой пустоши, не запомнил.

Лин Фэн остановился рядом, положив ладонь на рукоять меча — не из угрозы, а из старой привычки чувствовать опору в незнакомом месте.

— Мне не нравится эта тишина, — сказал он. — В горах ветер поёт в ущельях. В степи трава шумит. Здесь звук словно... не долетает.

Он был прав. Пустошь глотала звуки — шаги отряда, звон металла, даже голоса становились глуше, будто пепел впитывал их так же охотно, как впитывал бы воду. Йе Хун, шедший чуть впереди, обернулся и без лишних слов кивнул в сторону далёких силуэтов — не гор, не скал, а рядов вертикальных обломков, торчащих из пепла, будто рёбра исполинского зверя, зарытого наполовину.

— Останки, — сказал он. — Что-то огромное умерло здесь. Или было убито.

— Может, это просто скалы странной формы, — с надеждой предположил Чэнь Лэй, хотя по голосу было слышно, что сам он в это не верит.

— Скалы не бывают из потемневшего металла, друг мой, — заметил Лин Фэн, прищурившись на далёкие остовы. — И не ржавеют слоями в человеческий рост.

— Ненавижу, когда ты прав, — вздохнул Чэнь Лэй. — Это происходит слишком часто в последнее время.

Они шли ещё два дня вдоль края этого поля мёртвого металла, не приближаясь — какое-то общее, невысказанное чувство подсказывало всем пятерым, что подходить ближе не стоит, — когда на третье утро их встретили.

Всадники появились из ниоткуда: сперва рябь на горизонте, потом тёмные пятна, потом уже слишком поздно удивляться скорости — три десятка фигур верхом на костяных ящерах, длинных тварях с шкурой цвета пепла и глазами без зрачков. Лица всадников были скрыты серыми повязками, оставлявшими лишь узкую щель для глаз, и двигались они с той слаженностью, которая рождается не тренировкой, а поколениями выживания в месте, где ошибка стоит жизни.

Отряд остановился. Йе Хань поднял раскрытую ладонь — жест мира, понятный, как он надеялся, на любом языке континента.

Всадники окружили их полукругом, не приближаясь ближе тридцати шагов, и молчали так долго, что Чэнь Лэй не выдержал первым.

— Приветствую, уважаемые... — начал он с самой обаятельной из своих улыбок, но осёкся, когда один из всадников — судя по осанке, старший — направил на него костяное копьё, не произнося ни слова.

Затем вперёд выехал ещё один — ниже ростом, но с той особой прямою спины, которая отличает не воинов, а тех, кто прожил достаточно, чтобы больше никого не бояться. Голос, когда старик заговорил, оказался неожиданно ровным и сильным, будто пепел этой земли не иссушил его, а закалил.

— Странники с запада, — сказал он на языке, который был архаичным, но узнаваемым — древний диалект, на котором в столице говорили разве что учёные над старыми свитками. — Пепел не помнит гостей. Он помнит только тех, кто здесь остался.

— Мы не хотим оставаться, старейшина, — ответил Йе Хань, безошибочно угадав, к кому обращаться. — Мы идём дальше на восток. Нам нужно лишь пройти через эти земли.

— «Лишь», — повторил старик, и в этом единственном слове прозвучала целая жизнь горечи. — Мальчик с запада произносит «лишь» о земле, где мой народ хоронит одного из десяти, рождённых здесь, прежде чем тому исполнится двадцать лет. Пепел ничего не даёт «лишь так».

Он подъехал ближе — теперь Йе Хань видел его глаза, тёмные, будто выпетшие от постоянного прищуривания против ветра с золой, и удивительно живые.

— Меня зовут Ша Тай. Я говорю за Пепельных Странников. Вы пойдёте дальше только через наши земли или в обход — а в обход это полгода пути через ледяные разломы на севере, где вы замёрзнете быстрее, чем дойдёте. Так что у вас, по сути, нет выбора. У нас — есть.

— Мы готовы заплатить за проход, — быстро сказала Су Юэ, уже потянувшись к поясной сумке с алхимическими запасами. — У нас есть пилюли, редкие травы...

— Держи свои пилюли, девочка с добрыми руками, — Ша Тай качнул головой, но в этом жесте не было презрения, скорее усталое узнавание. — Здесь свой закон, старше вашего золота: тот, кто хочет пройти по земле Странников, должен доказать, что достоин её не осквернить.

— Испытание, — тихо сказал Лин Фэн, и в его голосе прозвучало что-то похожее на удовлетворение — так реагирует человек, который ждал именно этого с самого начала пути.

— Испытание, — согласился Ша Тай. — Не бой. Мы не звери, чтобы измерять достоинство только силой удара, хотя вижу, юноша с мечом, тебе бы этого хотелось. — Он чуть улыбнулся под повязкой — Йе Хань угадал это по морщинкам у глаз. — Пепел проверяет не силу. Он проверяет, умеет ли чужак слушать землю прежде, чем идти по ней.

Старейшина указал копьём на равнину за спиной своих всадников, казавшуюся совершенно однородной, разве что кое-где темнели едва заметные проплешины неправильной формы.

— Пепельное поле. Под настом полторы тысячи лет копится сила, оставшаяся от того, что здесь горело. Она спит — до первого неверного шага. Ступишь не туда — и то, что вспыхивает под ногой, оставляет от человека даже не пепел, а память о пепле. Один из вас пройдёт от края до края, тридцать шагов, ночью, без факела, без духовного чувства, направленного вниз, — только слухом и осторожностью. Пройдёт — вы получите проход и наше слово защиты от здешних тварей. Оступится...

Он не договорил. И не нужно было.

— Кто идёт? — тихо спросил Йе Хун, и все, не сговариваясь, посмотрели на Йе Ханя.

Не смотри на меня так уверенно, — раздался в голове голос Тени Сюаня, суше обычного. *Я закрывал Врата темницы Бога-Императора, мальчик, а не гулял по минным полям пастухов. Тут твоё духовное чувство им нельзя использовать — а без него я вижу не больше твоего.*

— Спасибо за поддержку, — пробормотал Йе Хань вслух, чем заслужил недоумённый взгляд Ша Тая.

— Он разговаривает сам с собой, — любезно пояснил Чэнь Лэй старейшине. — Не пугайтесь, это семейное.

— Пойду я, — внезапно сказала Су Юэ, и вся лёгкость мгновенно ушла из её голоса.

— Су Юэ...

— Йе Хань. — Она посмотрела на него так, как смотрела всегда, когда решение было уже принято и обсуждению не подлежало. — Я алхимик. Половина моей работы — это чтение того, что не видно глазу: запаха, тонкой перемены в воздухе, едва уловимого дрожания ци в травах. Если кто-то из нас и умеет слушать землю руками и ушами, а не грубой силой прорыва, — то это я, а не человек, привыкший решать проблемы кулаком.

Йе Хун хотел возразить, Лин Фэн явно готов был вызваться сам — испытать себя было именно тем, ради чего он присоединился к экспедиции, — но что-то в лице Су Юэ заставило всех промолчать. Даже Тень Сюань не издал ни звука.

Ша Тай долго смотрел на неё, потом медленно кивнул.

— Смелый выбор. Обычно чужаки посылают самого сильного воина, будто пустошь можно одолеть мечом. — Он что-то тихо сказал своим людям на языке, которого отряд не понимал, и всадники начали расступаться, освобождая проход к полю. — Ночью, когда осядет дневной ветер и звук перестанет прятаться. До тех пор — отдыхайте. Пепел не любит, когда торопятся.

Ночь опустилась над пустошью резко, без сумерек, будто кто-то задул огромную лампу. Небо оказалось на удивление ясным — ни одной тучи, только холодные, чужие звёзды, и в их свете серая равнина казалась застывшим морем. Странники разожгли костёр поодаль, но приглашать к нему не спешили; отряд устроился отдельно, и впервые с начала похода никто не шутил.

— Ты уверена насчёт этого? — тихо спросил Йе Хань, сидя рядом с Су Юэ, пока та методично, слишком методично проверяла завязки сапог.

— Нет, — честно ответила она. — Но я уверена, что права насчёт того, кто здесь лучше слышит тонкие вещи. Не отбирай у меня эту победу сейчас, из страха.

Он промолчал, потому что возразить было нечего, и вместо этого молча снял с шеи тонкий нефритовый амулет — подарок матери, единственную вещь, которую носил с детства не снимая, — и надел его на неё.

— Просто чтобы я знал: часть меня рядом с тобой на каждом шаге.

Су Юэ ничего не сказала — просто сжала его руку так крепко, что побелели костяшки, а потом встала и пошла к границе поля, где её уже ждал Ша Тай с невысокой девушкой-проводницей, судя по возрасту не старше пятнадцати, но с абсолютно спокойными, недетскими глазами.

— Это Ай Ло, — сказал старейшина. — Рождена на пепле, слышит его лучше многих взрослых. Пойдёт следом на трёх шагах позади — не направлять, закон этого не позволяет, а засвидетельствовать честность испытания. Помочь не может. Только смотреть.

Тридцать шагов. Йе Хань, стоя на границе поля вместе с остальными, никогда прежде не думал, что такое короткое расстояние может тянуться так долго.

Су Юэ сделала первый шаг медленно, почти с закрытыми глазами, чувствуя наст под ногой прежде, чем перенести на неё вес. Второй — так же. На третьем шаге она замерла на добрых десять ударов сердца, склонив голову, будто прислушиваясь не к звуку, а к чему-то под звуком, — и потом мягко, почти по дуге, обошла точку, которую никто из наблюдавших не видел и не мог увидеть.

— Она услышала, — прошептала Ай Ло, и в голосе девочки прозвучало неподдельное удивление.

Дальше было хуже. На середине поля Су Юэ остановилась надолго, слишком надолго, и Йе Хань почувствовал, как рядом напрягся Йе Хун, готовый рвануться вперёд при первом же неверном звуке, плевав на все законы пустоши. Ветер шевелил серую пыль, и в этой глотающей звуки тишине было слышно лишь дыхание пятерых людей, вставших на краю невидимой смерти.

Потом Су Юэ шевельнулась — не вперёд, а чуть в сторону, странным, неровным движением, будто танцуя с невидимым партнёром, — и продолжила путь. Она закончила тридцатый шаг, ступив на твёрдую, безопасную землю, и только тогда позволила себе тяжело выдохнуть — так, будто не дышала все тридцать шагов разом.

Чэнь Лэй издал звук, средний между всхлипом и победным воплем, и первым бросился к ней бегом, за что немедленно получил окрик от Ша Тая — «по краю, глупец, не по полю!» — и торопливо обежал по границе, оскальзываясь в пепле.

— Как ты это сделала? — спросил Йе Хань позже, когда лагерь немного успокоился, а Су Юэ, всё ещё дрожащими руками, пила горячий отвар, заваренный из её же трав.

— Ты не поверишь, — она слабо улыбнулась. — Земля здесь не молчит. Она гудит, очень тихо, ниже, чем способно уловить обычное ухо, — но там, где под настом дремлет та сила, гул чуть меняется, будто струна натянута туже. Я просто слушала разницу. Как слушаю разницу между зрелой и незрелой травой по запаху.

Впечатляюще, — заметил Тень Сюань, и в этот раз в его голосе не было обычной иронии. *Десять тысяч лет я знал сильных культиваторов, гордых культиваторов, культиваторов, что ломали горы одним ударом. Немногие умели просто слушать. Это, мальчик, редкий и опасный для меня тип человека — тот, кто оказывается прав чаще, чем я.*

— Скажи ей это сам, — тихо предложил Йе Хань.

Ни за что. Она и так слишком много о себе понимает.

Наутро Ша Тай сдержал слово. Отряду выдали проводников на первый день пути через земли Странников — трёх молчаливых всадников, знавших безопасные тропы через поля мёртвого стекла, — а сам старейшина проводил их до границы лагеря пешком, чего, судя по удивлённым взглядам его людей, не делал давно.

— Твоя женщина прошла испытание достойно, — сказал он. — Но я вижу в твоих глазах, мальчик с запада, не праздное любопытство путешественника. Ты идёшь не поглядеть на край карты. Ты идёшь на восток за чем-то конкретным.

Йе Хань не стал лгать.

— Мы ищем Врата. Древнюю темницу, которая, как нам сказали, снова пробуждается.

Что-то изменилось в лице старика — впервые за всё время знакомства с ним отряд увидел не осторожность, а настоящий, глубокий, старый страх, тот, что не пугается меча, потому что боится чего-то гораздо худшего, чем смерть от клинка.

Ша Тай остановился, и его люди остановились вместе с ним, тревожно переглядываясь.

— Значит, вы всё-таки идёте туда, — тихо сказал он. — Мой народ живёт на пепле уже двенадцать поколений. Мы не знаем, откуда взялся этот пепел — знание умерло вместе с теми, кто пережил ту старую войну, а от них остались только сказки для детей у костра. Но одну вещь эти сказки повторяют одинаково, из поколения в поколение, без единого расхождения: там, на дальнем востоке, за пределами того, что видел хоть один живущий Странник, лежит нечто, что однажды уже пыталось выйти. И тогда горело небо. Мы называем это Старой Войной, хотя не знаем, кто в ней сражался. Знаем только одно: чем ближе к тому месту, тем тише становится земля — а земля, мальчик с запада, никогда не молчит просто так. Она молчит, когда боится.

Отряд замер. Йе Хань почувствовал, как в глубине духовного моря шевельнулась тень — уже не с иронией, а с мрачным, горьким узнаванием.

Он прав, — тихо сказал Тень Сюань. *Впервые за десять тысяч лет я слышу это не от себя самого. Даже те, кто никогда не видел Врат, чувствуют их дыхание через тысячи ли пепла и камня. Это... не облегчает мне задачу, мальчик. Это подтверждает худшее.*

— Ваши предки правы бояться, старейшина, — сказал Йе Хань вслух, взвешивая каждое слово. — Но мы идём не пробудить это. Мы идём, чтобы запечатать снова — прежде чем оно проснётся само.

Ша Тай долго смотрел на него, потом медленно кивнул, будто принимая какое-то внутреннее решение, которое вынашивал ещё с ночи испытания.

— Тогда возьми это. — Он снял с пояса небольшой мешочек из вываренной кожи и протянул Ёе Ханю. Внутри оказался тёмно-серый камень, гладкий, будто отполированный веками, с едва заметной прожилкой красноватого света внутри. — Пепельный камень. Темнеет, когда рядом просыпается сила, подобная той, что спит под нашим полем, — единственное предупреждение, которое умеет давать эта земля. Дальше на восток лежат ещё худшие места — Ледяные хребты, а за ними то, о чём даже мы знаем только по слухам торговцев с побережья. Камень не спасёт вас от беды. Но он даст вам на один вдох больше времени, чтобы увидеть её прежде, чем она увидит вас.

Ёе Хань принял камень обеими руками, как несколько дней назад принимал свиток из рук Юэ Лань — с тем же ощущением тяжести, не соответствующей размеру.

— Благодарю вас, старейшина Ша Тай.

— Не благодари. — Старик повторил, сам того не зная, слова принцессы-регента с другого конца континента, и по спине Ёе Ханя пробежал холодок. — Благодарю ту, что услышала дыхание нашей земли и не обидела её страхом. — Он кивнул в сторону Су Юэ. — А теперь идите. Мои люди проводят вас до края владений. Дальше — снова пепел, снова стекло, и снова тишина, которая, надеюсь ради вас самих, останется просто тишиной ещё очень долго.

Он развернул своего ящера и, не оглядываясь, поехал обратно к лагерю — туда, где серые полотнища уже сворачивались, готовясь к очередному кочевью по земле, которая никогда не давала им покоя.

Отряд ещё долго смотрел ему вслед, прежде чем Ёе Хун первым нарушил молчание.

— «Земля молчит, когда боится», — повторил он задумчиво. — Не самые ободряющие слова для дальнейшего пути.

— Зато честные, — заметил Лин Фэн. — Я предпочту честный страх фальшивому спокойствию.

— А я предпочту, — объявил Чэнь Лэй, отряхивая пепел с плаща с видом человека, ведущего личную войну с каждой пылинкой континента, — чтобы следующее место называлось не Пустошью и не Хребтами, а как-нибудь простым и уютным. «Долина Пирожков», например.

— Судя по темпу, каким мы движемся к востоку, — сухо сказала Су Юэ, застёгивая сумку с пепельным камнем, — я бы на твоём месте не рассчитывала.

Она снова права, — заметил Тень Сюань. — *Мне стоит перестать спорить с этой женщиной. Это плохо сказывается на моей репутации всезнающего духа.*

— Поздновато спохватился, — пробормотал Ёе Хань, за что заработал очередной недоумённый взгляд брата, так и не смилившегося с тем, что половина разговоров Ёе Ханя ведётся с пустым воздухом.

Они двинулись дальше на восток, оставляя за спиной пепел, стекло и молчаливых людей, что научились жить бок о бок со шрамом войны, которую никто из живущих уже не помнил, — но каждый нёс теперь в себе одну мысль: если легенды кочевого племени на краю мира боятся того же, о чём говорит дух в кольце Ёе Ханя, — значит, дело куда серьёзнее, чем старая история одного человека и одной битвы.

Значит, вся земля под их ногами помнит. И боится.

Глава 4

Старый след

* * *

Проводники Ша Тая довели отряд до границы земель Странников на второй день и там остановились, будто дальше начиналась не просто чужая территория, а что-то похуже.

— Дальше не пойдём, — сказал старший из троих, невысокий жилистый мужчина с лицом, изрезанным морщинами глубже, чем позволял возраст. — Не потому, что боимся.

Потому что там уже не наша земля слушает, а чья-то ещё, и мы не знаем, кто ей ответит, если мы на неё ступим.

— Спасибо и на этом, — искренне сказал Йе Хань, кланяясь.

Проводник помедлил, будто взвешивая что-то, потом махнул рукой в сторону далёкой гряды невысоких холмов, едва различимых в дрожащем от жара воздухе.

— Там, за третьим холмом, если считать от одинокого дерева, — он вдруг ткнул пальцем в единственное чахлое, скрюченное деревце, торчащее из пепла на добрую тысячу шагов впереди, редкий и потому заметный ориентир, — старики рассказывали, лежат Пальцы. Так их называют — Пальцы. Никто из живущих Странников там не был. Но деды наших дедов говорили, что это первое, что осталось от той земли, какой она была до Старой Войны. Дальше идти не советую — но раз уж вы всё равно идёте, идите через них. Может, они вам что-то скажут. Нам они никогда не говорили ничего, кроме как держаться подальше.

Он развернул своего костяного ящера и, не прощаясь больше — прощания здесь, видимо, не были в почёте, — увёл своих спутников обратно на запад, туда, где серая земля хотя бы была своей.

Отряд остался один среди пепла — впервые за много дней без единого чужого взгляда, направленного на них, и это одиночество, вместо того чтобы принести облегчение, легло на плечи новой тяжестью.

— «Пальцы», — повторил Чэнь Лэй, поправляя заплечный мешок. — Замечательно. Обожаю названия, придуманные людьми, которые сами туда не ходили.

— Значит, будем первыми, — коротко сказал Йе Хун, уже глядя вперёд, туда, где за грядой невысоких холмов начиналось что-то, чего пока не было видно, но что уже ощущалось — не звуком, не запахом, а тем неопределимым чувством дурного предчувствия, которое опытные культиваторы учатся не игнорировать.

Пепельный камень, подаренный Ша Таем, висел у Йе Ханя на поясе рядом с мечом. За два дня пути он ни разу не потемнел, оставаясь тускло-серым с едва заметной красноватой прожилкой в самой сердцевине — спящий, безразличный. Йе Хань поймал себя на том, что то и дело трогает его пальцами через ткань мешочка, будто проверяя пульс.

Они шли ещё полдня, прежде чем достигли третьего холма, и там, поднявшись на его невысокий, ровно осыпающийся гребень, увидели то, что заставило остановиться весь отряд разом, без единого слова.

Впереди, в неглубокой чаше, которую пепел за тысячелетия так и не сумел до конца засыпать, лежали руины.

Это были не Пальцы в буквальном смысле — хотя название сразу стало понятно: из серой земли торчали вверх, под разными углами, будто скрюченные в последней судороге, обломки колонн, некогда бывших частью чего-то огромного. Десять, может, двенадцать каменных столбов, иные высотой в три человеческих роста, иные — обрубленные почти под самое основание, окружали то, что когда-то, судя по остаткам арки, соединявшей два уцелевших пилон, было гигантскими воротами. Сейчас арка обрушилась внутрь себя, оставив зияющий провал, по краям которого камень был не просто разбит, а оплавлен — стёкшие, застывшие потёки серого гранита, будто скала на мгновение стала жидкой и тут же замёрзла заново.

— Врата, — тихо сказала Су Юэ, останавливаясь рядом с Йе Ханем. — Настоящие. Не метафора старейшины, не легенда. Кто-то построил здесь врата такого размера, что от них через десять тысяч лет остались столбы высотой с дом.

— И кто-то их снёс, — добавил Лин Фэн, уже спускаясь по склону чаши с рукой на рукояти меча — не потому, что видел угрозу, а потому, что не видеть её здесь казалось неправильным. — Причём снёс не тараном и не осадной техникой. Посмотрите на камень.

Он был прав. Чем ближе подходил отряд, тем яснее становилось, что разрушение здесь было не механическим. Стены — вернее, то, что осталось от невысокой ограды, некогда окру-

жавшей врата по периметру, — несли на себе не сколы и трещины, а ожоги: длинные, дугообразные полосы, где камень будто содрали, как кожу, обнажив под верхним слоем что-то более тёмное, стекловидное, похожее на пустошный шрам, только здесь он был не разлит по земле, а впечатан прямо в тело древней постройки, застыв в тех формах, в каких его настигла разрушительная волна.

А потом Йе Хань увидел тени.

Сперва он принял их за игру света — вечернее солнце падало наискось, вытягивая обычные тени от обломков колонн через весь двор, — но, подойдя ближе, понял: это было не так. На одной из уцелевших плит основания, там, где камень был отполирован временем почти до блеска, темнел силуэт. Не рисунок, не резьба — именно тень, впечатанная в саму поверхность камня, будто некто стоял здесь в момент, когда всё вокруг вспыхнуло нестерпимым светом, и свет этот выжег на камне не образ человека, а его отсутствие — контур, заполненный более светлым, менее опалённым камнем там, где тело на мгновение заслонило собой вспышку.

Рядом была вторая тень. Третья. Дальше, у основания рухнувшей арки, их было не меньше десятка — застывшие в разных позах: кто-то, судя по контуру, бежал; кто-то поднял руки, будто заслоняясь от того, от чего заслониться было невозможно; один силуэт, самый маленький, ближе к самому провалу, был скрючен так, что напоминал ребёнка, обнимающего колени.

Никто в отряде не произнёс ни слова. Даже Чэнь Лэй, чей юмор до сих пор находил лазейку в любом, самом мрачном моменте пути, молчал, глядя на маленькую тень у провала так, будто у него внутри что-то оборвалось.

И тогда в голове Йе Ханя раздался звук, которого он не слышал прежде ни разу за два года — не голос Тени Сюаня, привычно ироничный или наставительный, а нечто похожее на сдавленный, невольный вздох боли, вырвавшийся у существа, которое, как казалось Йе Ханю, давно разучилось удивляться чему бы то ни было.

Нет, — только и сказал дух, и это единственное слово прозвучало так, будто его вытянули из него силой.

— Тень Сюань? — Йе Хань замер, не в силах пошевелиться, чувствуя, как внутри духовного моря что-то содрогается — не техника, не сила, а сам дух, сжавшийся так, что Йе Хань физически ощутил это стеснение где-то в груди.

Я знаю это место, — сказал Тень Сюань, и голос его звучал теперь издали, будто доносился не из кольца на пальце Йе Ханя, а сквозь толщу десяти тысячелетий. *Не по описанию. Не по слухам пастухов и кочевников. Я стоял здесь. Я стоял вот здесь, мальчик, там, где сейчас стоишь ты, — и я помню, как выглядели эти врата, когда были целы. Западные Врата Летнего Дозора. Здесь был город. Небольшой, пограничный, но живой — кузни, рынок, храм предков в стороне у реки, которой давно нет.*

Йе Хань почувствовал, как земля будто качнулась под ногами, хотя знал, что это не так — это качалось что-то внутри него, отзываясь на боль духа, слишком тесно сросшегося за два года с его собственной душой, чтобы оставаться полностью чужим.

Здесь жили люди, — продолжил Тень Сюань, и в этих словах не было привычной ему сухости или отстранённости всезнающего наставника — только тяжесть, придавившая каждое слово так, что оно выходило с усилием. *Я не помню сколько. Тысячи. Десятки тысяч. Я не считал их тогда, потому что не думал, что придётся считать заново десять тысяч лет спустя, глядя на их тени.*

— Что здесь случилось? — тихо спросила Су Юэ, подходя ближе, но не к Йе Ханю — к маленькому скрюченному силуэту у провала, остановившись в нескольких шагах, будто боясь потревожить.

Битва, — сказал дух после долгой паузы, и Йе Хань почувствовал, что это слово далось ему тяжелее всех предыдущих. *Не главная. Не решающая — до решающей оставалось ещё

много месяцев, много крови, и она была ещё дальше на востоке. Но здесь один из его... его командиров решил, что проще стереть заслон, чем обойти его. Городок стоял на дороге, которой я пользовался, перебрасывая войска. Он не был крепостью. Он был просто на пути.*

— Он? — переспросил Йе Хун, впервые подавший голос. — Кто — он?

Тень Сюань не ответил сразу. Когда ответ пришёл, в нём слышалось то особое, тяжёлое нежелание произносить имя вслух, какое бывает у людей, годами старающихся не тревожить старую рану.

Один из тех, кто служил Кровавому Владыке. Не сам он — тогда, во всяком случае. Один из его Клинков, как их называли, — те немногие, кому он даровал часть своей силы, чтобы они несли её вперёд него, как факелы. Этот носил титул, который я не хочу произносить вслух в месте, где всё ещё лежат его жертвы.

Йе Хань хотел спросить дальше, но не успел — Лин Фэн, обошедший руины по периметру, вдруг замер у дальней стены ограды и позвал остальных резким, коротким свистом, каким в отряде уже привыкли обозначать находку, не требующую немедленной тревоги, но требующую внимания.

На уцелевшем участке стены, там, где камень чудом не пострадал от той вспышки, что выжгла тени по всему двору, была резьба. Не орнамент — изображение, выполненное глубоким рельефом в стиле, которого никто из отряда прежде не видел: угловатые, почти геометрические фигуры, лишённые той плавности, к которой все привыкли в искусстве Девяти Стихий.

Резьба изображала войну.

Слева — ряды фигур, судя по остаткам знаков различия, воины некоей армии, выстроенные в подобие боевых порядков, над ними — символ, напоминающий распахнутый глаз в обрамлении лучей. Справа — другая сила, и здесь резчик, кем бы он ни был, явно вложил в работу нечто большее, чем ремесленный долг: фигуры справа были искажены, вытянуты, некоторые с чем-то, отдалённо похожим на крылья или щупальца, вырастающие из спин, а над всей этой массой возвышалась одна фигура — крупнее остальных, коронованная не короной, а венцом из острых, направленных вверх шипов, с руками, воздетыми так, будто она вытягивала что-то из самой земли под собой.

Под фигурой, глубоко врезанной в камень древним, почти забытым слоговым письмом, шли знаки. Су Юэ, опустившись на колени у стены и осторожно проведя пальцами по бороздам, долго молчала, прежде чем заговорить.

— Я не знаю всех символов, — сказала она наконец. — Это не тот диалект, которому меня учили, слишком древний даже для архивов Ланьтяня. Но некоторые повторяются достаточно, чтобы я могла догадаться. Вот этот, — она указала на сочетание из трёх знаков, повторявшееся четырежды вдоль всей резьбы, — означает «кровь». А этот, рядом, — что-то вроде «владыка» или «господин», но с оттенком, которого в современном языке нет — не правитель по праву рождения, а тот, кто взял власть силой и удерживает её постоянным насилием. — Она подняла взгляд на Йе Ханя. — Я думаю, это его имя. Или, вернее, его титул. Здесь, десять тысяч лет назад, его уже называли так, как называют сейчас.

Кроавый Владыка, — тихо подтвердил Тень Сюань. *Да. Уже тогда. Он сам выбрал себе это имя задолго до того, как его враги начали произносить его со страхом. Он гордился им.*

Йе Хун, обойдя резьбу с другой стороны, вдруг наклонился ниже, разглядывая что-то у самого основания стены, полускрытое наносами пепла.

— Здесь ещё что-то, — сказал он. — Металл.

Он расчистил находку рукой, и остальные подошли ближе. В основании стены, там, где резьба обрывалась, был вмурован небольшой диск из тёмного, странно нетронутого временем металла — гладкого, почти маслянисто поблёскивающего даже в тусклом вечернем свете, с

единственным символом в центре: тем же распахнутым глазом, что был на левой стороне резного панно.

— Печать, — тихо сказала Су Юэ. — Или что-то вроде клейма. Знак армии, что защищала это место.

Чэнь Лэй, до этого момента державшийся позади и явно не горевший желанием трогать что-либо в месте, полном выжженных теней детей, не удержался от любопытства и, присев на корточки, протянул руку к диску.

— Чэнь Лэй, — резко сказал Лин Фэн, — я бы на твоём месте...

Поздно.

Пальцы Чэнь Лэя коснулись гладкой поверхности металла, и диск отозвался тихим, низким гулом, будто где-то глубоко под землёй провернулся давно заржавевший механизм. Пепельный камень на поясе Йе Ханя вспыхнул темнотой одним резким скачком — только что тускло-серый, он в единый удар сердца налился густым, почти чёрным багрянцем, будто в него плеснули кровь.

— Все назад! — крикнул Йе Хань, срывая с пояса меч, но было поздно советовать — земля под ногами уже отзывалась низкой дрожью, поднимавшейся откуда-то из-под провалившейся арки.

Из провала, где прежде лежали одни обломки, начало подниматься нечто — сперва Йе Хань принял это за оседающую пыль, но пыль не складывается в очертания, не собирается воедино в фигуру ростом в два человеческих роста, слепленную из спёкшегося пепла и оплавленного камня, с двумя пустыми провалами вместо глаз, в которых теперь тлел тот же тусклый багровый свет, что вспыхнул в камне на поясе Йе Ханя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.